

*Навдину — за все, что ты уже сделал
и продолжаешь делать
для того, чтобы наша магия
воплотилась в жизнь*

Кэсси

Я умираю — снова и снова. Не по-настоящему, но это похоже на смерть. Мышцы растягиваются и горят огнем — вот-вот порвутся. Кости того и гляди вывернутся из суставов. Позвоночник сворачивается в немыслимые фигуры. Вены на руках вздуваются от напряжения. Кисти рук трясутся — изящные жесты дорого обходятся. Пальцы ног страдают в розовой тюрьме пуантов, на коже остаются созвездия волдырей и синяков.

Со стороны кажется, что все так легко. Так бесконечно красиво. А ведь только это и имеет значение.

Студия «Б» сегодня похожа на аквариум. Я молюсь, чтобы его стеклянные стенки занавесили плотной тканью. Взгляд Лиз обжигает: она прижалась лицом к стеклу, чтобы получше нас разглядеть. Я знаю, она мечтает обо всем этом даже сильнее, чем я, но одного только желания мало. Лиз утверждает, что все проплачено, да и взяли меня только потому, что я племянница мистера Лукаса. Сама я, конечно, этого не слышала — Бетт рассказала мне о вчерашнем пьяном монологе своей подруги. Но я-то знаю: я добилась всего сама.

Морки рывкает, давая указания девочкам из кордебалета, а потом поворачивается к пианисту, чтобы задать

темп. Мы ставим весеннюю «Сильфиду»*. Меня, единственную из девочек шестой группы, выбрали в качестве солистки. И балерины делают вид, будто рады за меня, — почти все, — но каждая надеется: я не справлюсь. Ни за что не доставлю им такого удовольствия. Хотя быть самой юной в коллективе — безумно тяжело.

Раньше меня постоянно спрашивали, вправду ли мне пятнадцать. Хотелось соврать и ответить, что на самом деле уже семнадцать. Или даже восемнадцать. Как и им.

Наблюдаю за пируэтами танцовщиц и фальшиво улыбаюсь. Меня не сломить. Я и виду не подам, как мне тяжело. Мышцы горят, опустошенный после вчерашней вечеринки желудок ноет. Нельзя было поддаваться уговорам Бетт. Теперь вот пожинаю плоды.

Музыка внезапно обрывается, и Морки нависает над Сарой Такахаши, заставляет ее кружиться снова и снова, выкрикивает приказы на русском — будто бы Сара ее понимает. Наконец она кланяется, и Морки совсем слетает с катушек.

Сара — моя дублерша из восьмой группы. Роль сильфиды** должна была достаться девочке из этой группы, чтобы какой-нибудь балетмейстер заметил ее талант и пригласил в профессиональную труппу.

Пока есть время, прокручиваю в голове свое соло: каждое движение, каждый такт музыки. Морки показывает выпады медленно, отчетливо ступая в своих маленьких балетках с каблучками. В свои семьдесят она

---

* «Сильфида» — романтический балет в двух действиях Филиппо Тальони. — *Примеч. ред.*

** Сильфиды — духи воздуха в средневековом фольклоре.

все еще воплощение грации — настоящая *danseuse russe*, русская балерина.

В студию проскальзывает Бетт. Она не придерживает дверь, чтобы все услышали: она здесь. Ненавижу эту ее способность заявлять о своем присутствии всему миру, но никогда в этом не признаюсь. На нее все пялятся — на светлые волосы, затянутые в пучок, на дизайнерскую юбку, похожую на сладкую вату, на губы, умело подкрашенные розовой помадой... Бетт опускается на пол позади всех, недалеко от горы сумок.

Ходят слухи, что место в студии досталось ей благодаря толстому маминому кошельку, но я в этом сомневаюсь. Она ведь действительно хорошо танцует. И всегда мне помогает: защитила перед Лиз и остальными, когда я только сюда приехала, показала, где тут что, угрожала девчонкам, которые меня задирали.

Уилл заходит сразу после: рыжие волосы уложены гелем, сценический макияж идеален. Он посылает мне воздушный поцелуй — его своеобразный привет. Утром сказали, что он будет дублером моего партнера. Уилл садится рядом с Бетт.

Морки вызывает меня в центр зала. Звучит легкая, безмятежная музыка — под такую только порхать. Обычно я растворяюсь в ней, и мелодия сама несет меня вперед, превращает в лесную фею, влюбленную в шотландского мóлодца. Но сегодня я ощущаю себя запертой в чересчур длинном, неуклюжем теле. Скольжу над полом, стараясь ступать в нужные места, но мышцы напряжены. Ловлю себя на том, что смотрю вниз, на отметки, и поднимаю взгляд. Сосредотачиваюсь на музыке. Стараясь не думать о каждом движении в отдельности. Старая привычка. Плохая привычка. Должна бы уже давно знать все

наизусть. Я убеждаю себя, что легка как воздух. Но ноги мои этого не понимают, движения скованны.

— Давай-давай!

Голос Морки эхом отдается от зеркал. Улыбка сползает с моего лица. Под ее взглядом я теряю всю грацию. Уверенность покидает меня, испаряется вместе с выступившим на коже потом.

Скотт ждет меня у левого края воображаемой сцены. Подлетаю к нему, подаю руку — он прижимает меня к груди. Морки перекрикивает музыку:

— Улыбайся! Ты же влюблена!

В зеркале отражается моя вымученная улыбка. Подбираюсь, когда руки Скотта сжимают мою талию. Морки машет руками, останавливая нас в полуподъеме.

— Влюбленность! Не вижу ее! Где она, где? — Морки жестом выгоняет меня из центра. — Может, мы ошиблись в тебе, Кассандра? — Русский акцент придает ее словам остроты, и они режут лучше всякого ножа. — Покажи давай, за что тебя выбрали.

Она снова машет тонкой рукой. На мое место встает Сара, чтобы отрепетировать со Скоттом подъем, который я сделать не смогла. Успокаиваю себя, повторяя: это необходимо. Он должен уметь поднимать и меня, и Сару. На всякий случай.

Расстроенная, направляюсь в дальний угол, где сидят Уилл и Бетт.

— Ты должен... — шепчет Бетт, но Уилл, завидев меня, на нее шикает.

— Эй. — Он улыбается и показывает на свободное место рядом. — Не задалось, да?

Перезожу дыхание и стираю с верхней губы капельки пота. Бетт пялится на меня, и под ее взглядом я чув-

ствую себя отвратительно: тяжелой и лишней. Уилл печально вздыхает, словно я щенок, которого только что пнули.

— Не принимай близко к сердцу, — продолжает он. — Морки просто монстр.

— Ты как? — Бетт натянуто улыбается.

— Не знаю, что на меня нашло. — Закрываю глаза и тянусь всем телом. — Вчера все было в порядке. Ну, вы видели.

— Ты как будто его боишься. — Уилл кивает в сторону Скотта. — Стесняешься, что ли?

— У меня вообще-то парень есть, — отвечаю резко, чем следует. Вот бы Анри был здесь, но он сейчас в Парижской оперной школе. Его рукам я хотя бы могу доверять.

Тут же извиняюсь. Не понимаю, что со мной.

Бетт хмыкает:

— Перебрала с алкоголем?

Вчера она все подливала и подливала мне дорогого вина, которое вытащила из маминых запасов. Хотя я отказывалась.

Киваю, радуясь такому простому объяснению.

— Надо было сразу спать пойти.

— А ты не пошла? — Бетт удивленно хмурит брови.

— Иногда я танцую по ночам, чтобы уложить все в голове перед сном.

Прикладываю ко лбу руку — с чего это из меня сегодня сыплются откровения? Но я доверяю Бетт. Алек за нее поручился, хотя сначала я сомневалась. К тому же Уилл — его лучший друг.

— Ноги не держат. — Прижимаюсь спиной к стеклянной стене, за которой улица. Солнечное тепло

прогоняет холод, поселившийся внутри. На дворе весна, но я все равно мерзну.

— Что же мне делать? — размышляю вслух.

Бетт и Уилл переглядываются. Они знают, как угождать Морки. Они же здесь давно.

— Соберись, — говорит Бетт, смахивая со свитера невидимую ниточку. — Морки не терпит драм и отговорок. — Она наклоняется и делает растяжку, разогревается, словно пришла сюда не просто посидеть в сторнке. — И постарайся больше столько не пить.

— Бетт! — одергивает ее Уилл.

Слышать это неприятно, но виду я не подаю. Шепчу:

— До вчерашнего я ни разу не пила.

Если Бетт и удивлена, то не показывает этого.

Мне сложно в этом признаться. До того как переехать в Нью-Йорк, к семье моего кузена Алека, и поступить в балетную школу, я только и делала, что танцевала, училась или ждала звонка от Анри, сидя на диване с моей британской приемной матерью. Нью-Йорк совсем не похож на Лондон.

— Не думала, что мне так сильно ударит в голову.

Мне хочется пожурить Бетт за то, что она мне столько подливала, но я этого не делаю. Она ведь мой единственный настоящий друг здесь, в Нью-Йорке. Нельзя же вот так просто все разрушить.

— У всех бывают «не их» дни. — Уилл успокаивающе гладит меня по ноге. Будто это поможет.

На глаза наворачиваются слезы. Я слизываю с губ клубничный блеск и слышу голос матери, которая меня за это ругает. Она всегда говорила, что леди так не делают.

Оглядываюсь, оборачиваясь, и вижу, как Сара Такахаши выполняет подъем, который не смогла сделать я. Морки ей подмигивает.

— Не волнуйся, Кэсси, — радостно возвещает Бетт. — Уилл тебе поможет. Мне вот всегда помогает.

Слово «всегда» она произносит с нажимом. Взгляд Уилла блуждает по студии, словно он следит за мухой.

Бетт дарит мне ослепительную улыбку — такую широкою, что я могу пересчитать все ее зубы. Идеальную, как и вся она.

Меня снова вызывают в центр зала. На этот раз вместе с Уиллом. Чувствую, как Бетт смотрит на него, пока Морки показывает нам следующие несколько па. С болезненной сосредоточенностью, каждый сам по себе, мы запоминаем движения. У нас уходит почти час на то, чтобы вызубрить их, и только потом Морки позволяет нам попробовать самим. Наконец я стою в центре, готовая показать все, на что способна.

Жду, когда зазвучит музыка. Разум мой спокоен, исчезло все: тревога, критика, лица за стеклом. Я вижу только Уилла и представляю на его месте Анри. Делаю первый шаг, становясь музыкой. Каждое движение руки — верное. Я прыгаю, и кружусь, и взлетаю, и скольжу. Я порхаю.

— Следи за музыкой! — кричит Морки.

Руки Уилла на моей талии. Подъем. Он поддерживает меня правым плечом так, словно я ничего не вешу.

— Она же не коробка, Уильям, — говорит Морки. — Она драгоценность. Так с ней и обращайся. Как с самым дорогим, что у тебя есть.

Его пальцы впиваются чуть ли не прямо в кости — Уилл пытается меня удержать.

— Прекрасно, прекрасно! — Морки перекрикивает музыку. — Кассандра, улыбайся!

Улыбаюсь изо всех сил. Смотрю в зеркало, слышу только наставления Морки. Делаем «рыбку»* — медленно, грациозно, сосредоточенно. Но что-то идет не по плану. Уилл делает неверное движение, и меня качает назад. Пытаюсь восстановить равновесие, но поздно. Уилл как будто обессилел. Такого раньше не случилось. Поддержки нет, и я падаю на правую ногу.

Я словно срываюсь со скалы. И лечу вниз, к полу, целую вечность.

---

* Pas de poisson (*фр.* буквально «движение рыбки») — прыжок в балете с одной ноги на другую, при котором ноги отбрасываются далеко назад. Танцовщица может выполнять прыжок с поддержкой партнера. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

Акт первый
Осенний сезон

1. Демм

Говорят, ожидание слаще, чем то, чего ждешь, так что я планирую насладиться этим состоянием по полной. Мистер К. любит тянуть кота за хвост.

Мы столпились вокруг него в зале Американской балетной школы — скоро он произнесет свою ежегодную речь о «Щелкунчике», в которой огласит распределение ролей. Дважды в год, осенью и весной, студенты заменяют профессиональных танцоров на одно представление в Линкольн-центре. Это испытание наших характеров. Вкус нашего будущего.

По этому списку можно судить, чего ты стоишь в этой школе, главном поставщике профессиональных балерин Америки. Я стою немало.

Мы с Алеком держимся за руки, и я не могу перестать улыбаться. Через пару мгновений я увижу свое имя там, на стене, напротив феи Драже, и тогда начнется моя настоящая жизнь.

Моя старшая сестра Адель танцевала фею Драже шесть лет назад, пока я прыгала по сцене в роли херувима — золотые крылья, губы накрашены помадой моей матери. Тогда ожидание не казалось таким уж сладким. Само действие было гораздо лучше: колючие колготки, сладкий, металлический запах лака для волос, сияющий венец в волосах. Блестки на щеках. Страх перед

тем, как выйти на сцену, и лавина радости после. Цветы, поцелуи мамы и руки отца — он поднял меня в воздух и назвал «принцессой». Вот что было лучшим переживанием тогда.

Входные двери закрыты на засов — речь мистера К. настолько важна. Сквозь большие окна вестибюля мне видно людей с покрасневшими от холода носами, они сбились в кучу, сражаясь с октябрьским ветром. Им приходится ждать на лестнице, на площади Розы Эбни, названной в честь моей бабушки. Двери не откроют, пока мистер К. не закончит говорить. Людям придется мерзнуть.

Мистер К. поглаживает ухоженную бороду — знает, вот-вот начнет. Я выучила его привычки благодаря Адель, прима-балерине профессиональной труппы.

Выпрямляю спину и кладу руку Алеку на шею, легонько поглаживаю то место, где начинают расти его светлые волосы. Он улыбается. Мы — идеальное воплощение пары солистов, которые невообразимо долго ждали возможности станцевать в зимнем балете, но были готовы к этому давным-давно.

— Момент истины, — шепчу я.

Алек улыбается и целует меня в лоб. Он тоже взволнован. А я уверена, что через пару мгновений снова смогу любить балет.

Мы оба на хорошем счету.

Я помню, какой счастливой выглядела Адель, танцующая фею Драже. Эта роль помогла ей получить место в труппе сразу после выпуска. Хочу чувствовать то же, что и она. Никто мне не помешает. Даже Лиз в этом году не так уж хороша. В классе нет никого, кто смог бы делать то, что делаю я.